

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 3 / 2026, Vol. 17, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK326.pdf>

DOI: 10.15862/13FLSK326 (<https://doi.org/10.15862/13FLSK326>)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Строганова, И. Б. Лексико-прагматические средства конструирования национального единства в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея: институционально-ролевая модель солидарности /

И. Б. Строганова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 3. —

URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK326.pdf>. DOI: 10.15862/13FLSK326.

For citation:

Stroganova I.B. Lexical and pragmatic means of constructing national unity in the official military-political discourse of the Republic of Korea: an institutional-role model of solidarity. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(3): 13FLSK326. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK326.pdf>. DOI: 10.15862/13FLSK326.

(In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.531'42

Строганова Ирина Борисовна¹

ФГКВОУ ВО образования «Военный университет имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Старший преподаватель кафедры «Дальневосточных языков»

E-mail: korean.volcano@gmail.com

Лексико-прагматические средства конструирования национального единства в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея: институционально-ролевая модель солидарности

Аннотация. В статье исследуются лексические и прагматические средства конструирования национального единства в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея. Материалом служит авторский корпус из 50 официальных южнокорейских текстов 2018–2025 годов, включающий президентские выступления, стратегические и оборонные документы, правовые материалы, мемориальные речи и публикации Министерства объединения. Исследование имеет качественный корпусно-ориентированный характер: поиск лексических и грамматических маркеров использовался для систематического выявления релевантных контекстов, которые затем подвергались лексико-семантическому, контекстуальному и лингвопрагматическому анализу. Рассматриваются номинации коллективного субъекта, их сочетаемость и связанные с ними ролевые позиции, формы обращения, инклюзивный дейксис, а также деонтические, комиссивные, оценочные и побудительные конструкции. Особое внимание уделяется различиям между президентским, оборонным, правовым, мемориальным и объединительным регистрами официальной коммуникации. Установлено, что национальное единство формируется через согласование институциональных ролей государства, граждан, вооружённых сил, ветеранов и будущих поколений при сохранении различий между ними. Номинации гражданского и государственного уровней определяют границы коллективного субъекта, тогда как предикаты защиты и ответственности, формы публичного обещания и побуждения к совместному действию

¹ <https://vk.ru/udarniza90>

распределяют агентность между его участниками. Предложена институционально-ролевая модель солидарности, описывающая полицентрическую структуру национального «мы» и её вариативность по аналитическим регистрам. Полученные результаты показывают вариативность прагматических функций языковых средств в разных регистрах официальной коммуникации.

Ключевые слова: национальное единство; институциональная солидарность; военно-политический дискурс; Республика Корея; лексико-прагматические средства; коллективный субъект; институциональная роль; дискурсивное конструирование; корейский язык

Введение

Национальное единство относится к базовым ценностным категориям официальной политической коммуникации, однако его дискурсивное содержание не исчерпывается прямыми номинациями единства, сплочённости и общности. Представление о единой нации создаётся посредством именования участников коллективного субъекта, определения состава национального «мы», распределения ролевой агентности и закрепления нормативных моделей совместного действия. Язык в данном случае отражает отношения между государством, гражданами и общественными институтами, и одновременно задаёт способы их интерпретации, формирует взаимные ожидания агентов друг о друге и легитимирует определённую структуру ответственности.

Особую значимость эти процессы приобретают в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея. Разделение Корейского полуострова в 1948 году, Корейская война (1950–1953 гг.), продолжительное военно-политическое противостояние двух корейских государств, последующая демократизация Юга, гражданский контроль над вооружёнными силами и государственная политика памяти обусловили сочетание следующих смысловых линий: защиты конституционного государства, общественного доверия к армии, признания заслуг ветеранов, ответственности перед будущими поколениями и перспективы объединения полуострова. Коллективный субъект такого дискурса внутренне дифференцирован: государство, граждане, вооружённые силы, военнослужащие, ветераны и жители Северной Кореи включаются в него на разных основаниях и получают неодинаковые функции в языке.

Теоретическую основу исследования составляет понимание дискурса как социальной практики, участвующей в формировании идентичностей, социальных отношений и систем знания. В зарубежной научной традиции Н. Фэрклаф связывает дискурс с институциональными структурами и социальными изменениями [1, с. 62–67]. В отечественной лингвистике В. Е. Чернявская рассматривает смыслопорождение как результат взаимодействия текста с социальным и институциональным контекстом [2, с. 43–44, 100–108]. Данные положения позволяют учитывать содержание официального высказывания, и, к тому же, социальную позицию адресанта, институциональную ситуацию и систему воспроизводимых смыслов.

В исследованиях национальной идентичности значимы работы Б. Андерсона, М. Биллига, Р. де Чиллиа, М. Райзигла, Р. Водак и Т. А. ван Дейка. Американский политолог Б. Андерсон рассматривает нацию как символически конструируемое сообщество [3, с. 6–7], а британский социальный психолог М. Биллиг показывает её повседневное воспроизводство посредством рутинных форм национального дейксиса² и обозначения принадлежности [4, с. 93–127]. В дискурсивно-историческом подходе Р. де Чиллиа, М. Райзигла и Р. Водак национальная

² Под национальным дейксисом в настоящем исследовании понимаются средства дискурсивного соотнесения адресанта и адресата с национальной общностью: личные и притяжательные местоимения, инклюзивные формы «мы» и «наш», номинации народа, государства и общества, а также выражения, маркирующие границу между «своими» и «чужими».

идентичность связывается со стратегиями номинации, предикации, аргументации и позиционирования коллективного «мы» [5, с. 149–158]. Нидерландский исследователь дискурса Т. А. ван Дейк дополняет эту модель критериями членства, общими знаниями, ценностями и целями группы, а также разграничением «своих» и «чужих» [6, с. 118–126, 140–169]. В совокупности данные подходы позволяют рассматривать национальную общность как дискурсивно воспроизводимый коллективный субъект.

В отечественных исследованиях политического и институционального дискурса Е. И. Шейгал выделяет интегративную, легитимирующую и мобилизационную функции политической коммуникации [7, с. 57–58], тогда как В. И. Карасик связывает институциональное общение со статусно-ролевыми позициями его участников [8, с. 190–192]. Соотнесение этих положений с подходами к национальной идентичности позволяет анализировать национальное единство и как ценностную категорию, и как оформляемую в языке систему отношений между государством, гражданами и другими институциональными участниками.

В южнокорейской научной традиции одно из профильных направлений образуют исследования военной организационной культуры. Мин Чин и Ким Минсок, представляющие Университет национальной обороны Республики Корея, рассматривают внутренние механизмы организации и интеграции вооружённых сил. Мин Чин выделяет семь характеристик военной организационной культуры, включая коллективизм, иерархический авторитаризм, ритуализм, боевую направленность, восприятие риска и угрозы, закрытость и культурную идентичность [9, с. 91–121]. В совместной работе Мин Чина и Ким Минсока анализируются языковые, поведенческие и материальные формы символической культуры, включая героические нарративы, военные песни, ритуалы, традиции и символику [10, с. 29–57]. Данные исследования раскрывают внутренние основания военной коллективности, но не ставят задачей описать её включение в более широкий национальный субъект.

Другую линию южнокорейских исследований образуют работы по государственной политике и публичному дискурсу безопасности. Исследователь кафедры государственного управления Сеульского городского университета Ким Хёк на материале президентских новогодних обращений анализирует постановку и фреймирование проблем национальной безопасности [11, с. 87–107]. Исследователи Университета Чунан Пак Чхисон и Син Нари применяют структурное тематическое моделирование к президентским текстам и прослеживают изменение государственной повестки и политических идей разных администраций, в том числе подходов к политике объединения [12, с. 1–33]. Таким образом, южнокорейская литература охватывает как внутреннюю организацию вооружённых сил, так и общегосударственную репрезентацию безопасности и объединения, однако рассматривает эти уровни преимущественно раздельно.

Проведённый обзор позволяет выделить три взаимосвязанные линии изучения проблемы: дискурсивное конструирование национальной идентичности; институционально-ролевою организацию политической коммуникации; специфику военной организационной культуры и публичного дискурса национальной безопасности Республики Корея. Вместе с тем в рассмотренных работах не представлено комплексное описание того, каким образом разножанровые официальные тексты одновременно формируют общий национальный субъект и сохраняют функциональную дифференциацию государства, граждан, вооружённых сил, ветеранов и других его участников. Данный аспект определяет исследовательскую лакуну настоящей работы.

В настоящей статье национальное единство понимается как дискурсивно формируемое представление о принадлежности различных групп и институтов к общему национально-государственному субъекту. Институциональная солидарность определяется как способ реализации данного единства через взаимосвязанные функции защиты, служения, поддержки,

памяти и ответственности. Первое понятие характеризует границы и ценностное основание коллективного «мы», второе — направленность взаимодействия его участников. Такая солидарность не предполагает равенства функций: государство обеспечивает безопасность и принимает на себя ответственность, вооружённые силы защищают и выполняют возложенные задачи, граждане выступают адресатами защиты, участниками совместного действия и источником общественного доверия, а ветераны и будущие поколения связывают коллективный субъект с прошлым и будущим.

В ранее опубликованной автором работе, посвящённой языковым механизмам формирования военной и гражданской корпоративной идентичности и социального контроля в южнокорейском институциональном дискурсе, были частично рассмотрены вопросы взаимодействия государства, вооружённых сил и гражданского общества [13, с. 125–138]. В настоящей статье данный аспект получает самостоятельное рассмотрение: анализ сосредоточен на номинациях, предикативных связях и прагматических показателях, посредством которых различные группы включаются в полицентрическую модель национального единства.

Цель исследования состоит в выявлении лексико-прагматических средств конструирования национального единства в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея и в определении формируемой ими институционально-ролевой модели солидарности. Для достижения цели устанавливаются основные номинации коллективного субъекта; анализируются их сочетаемость и распределение агентности; выявляются формы обращения, инклюзивный дейксис, деонтические, комиссивные, оценочные и побудительные конструкции; сопоставляется их функционирование в президентском, оборонном, правовом, мемориальном и объединительном регистрах.

Научная новизна заключается в представлении национального единства как системы ролевого согласования. Выдвигается положение, согласно которому южнокорейское официальное национальное «мы» имеет полицентрическую структуру: его участники сохраняют ролевые различия и объединяются посредством направленных обязательств. В зависимости от аналитического регистра и коммуникативной задачи состав этой системы варьируется от военно-гражданского ядра, выражаемого формулой «государство — граждане — вооружённые силы», до более широкого сообщества, объединённого памятью о прошлом, ответственностью перед будущими поколениями и представлением о будущем объединении Корейского полуострова.

Материал и методы исследования

Материал исследования составляет авторский корпус из 50 официальных южнокорейских текстов, посвящённых вопросам национальной безопасности, обороны, военной службы, государственной политики памяти и политики в отношении Корейского полуострова. Хронологическое ядро корпуса образуют документы 2018–2025 годов. Более ранние президентские выступления и действующие редакции правовых актов привлекались в качестве контекстуальных материалов для установления институциональной преемственности и не рассматривались как самостоятельные единицы основного корпуса.

Для систематизации материала был сформирован рабочий реестр корпуса, включающий корейское название документа, дату публикации, учреждение, выпустившее документ, жанровую характеристику и адрес официальной публикации. Повторные размещения одного документа на разных государственных ресурсах не учитывались как самостоятельные единицы. В подстрочных примечаниях приводятся сведения прежде всего о тех официальных документах, из которых цитируются и подробно анализируются конкретные фрагменты. Остальные тексты корпуса использовались для проверки повторяемости и жанровой устойчивости выявленных лексико-прагматических моделей.

Отбор материала осуществлялся по четырём критериям: официальный статус источника; непосредственная связь текста с проблематикой государства, граждан, вооружённых сил, памяти, ответственности или объединения; жанровая и институциональная репрезентативность; наличие языковых единиц, позволяющих реконструировать состав коллективного субъекта и распределение ролей между его участниками. Журналистские комментарии, внутрипартийные материалы и научные исследования в корпусе не включались.

Аналитические регистры корпуса, репрезентативные для них материалы и их функции в исследовании представлены в таблице 1.

Таблица 1

Аналитические регистры корпуса и их функции

Компонент корпуса	Репрезентативные материалы	Основная аналитическая функция
Президентский	Обращения ко Дню Вооружённых сил, Дню памяти погибших и Дню освобождения; обращения к гражданам	Коллективный адресат, инклюзивное «мы», обещание, призыв и общее будущее
Стратегический	Стратегии национальной безопасности, внешнеполитические концепции и программные документы	Ценностная и государственно-институциональная рамка единства
Оборонный	Оборонные «Белые книги», программы реформ и материалы Министерства национальной обороны	Роль вооружённых сил, защита граждан, служебная ответственность и доверие
Правовой и парламентский	Законы, подзаконные акты и парламентские материалы о статусах, правах и поддержке	Нормативное распределение полномочий, обязанностей и ответственности
Мемориально-церемониальный	Речи и материалы о павших, ветеранах, лицах с заслугами и их семьях	Жертва, публичная благодарность, государственное обязательство и преемственность
Объединительный и гуманитарный	«Белые книги» объединения, доклады о правах человека, материалы о переселенцах	Расширение национального «мы» и проект будущего объединения

Составлено автором

Выделенные регистры представляют собой аналитические институционально-функциональные сегменты корпуса и не совпадают с отдельными жанрами. Один текст может сочетать признаки нескольких регистров: например, речь президента ко Дню памяти погибших относится к жанру торжественной речи и одновременно входит в президентский и мемориально-церемониальный регистры.

Исследование имеет качественный корпусно-ориентированный характер. Поиск по предварительно сформированным группам лексических и грамматических маркеров выполнял вспомогательную навигационную функцию: он использовался главным образом для систематического выявления релевантных фрагментов во всём корпусе и не служил самостоятельным статистическим результатом. Каждое обнаруженное употребление проверялось вручную в пределах высказывания, абзаца и документа. Такой порядок позволяет систематически выявлять повторяющиеся контекстуальные модели и учитывать типичное окружение исследуемых единиц, что соответствует общим принципам анализа конкордансов и лексической сочетаемости [14, с. 99–107].

Единицей анализа выступал полный контекст, включающий номинацию коллективного субъекта, её предикативное окружение, модальные и оценочные средства, а также формы обращения к адресату. Словоформы сводились к лемме только на этапе поиска. Окончательная интерпретация учитывала исходную грамматическую форму, ближайшую сочетаемость, синтаксическую роль единицы, институционального адресанта, предполагаемого адресата и жанр документа. При пересечении нескольких смысловых линий анализ был сосредоточен на функции слова в конкретном высказывании с учётом его принадлежности к тематической группе. На качественном этапе применялись лексико-семантический, контекстуальный и лингвопрагматический методы. Лексико-семантический анализ использовался для разграничения номинаций коллективного субъекта, институциональных ролей и ценностных категорий. Контекстуальный анализ позволял выявлять смысловые приращения, обусловленные жанром, коммуникативной ситуацией и институциональной позицией адресанта [2, с. 43–44, 100–108].

Прагматическая функция языковых средств устанавливалась на основании наблюдаемых показателей: форм обращения; инклюзивного местоименного компонента «наш / наш общий» (우리, «ури»); других местоимений и наречий совместности; деонтических предикатов обязанности; грамматических форм со значением обещания, призыва и побуждения к совместному действию; оценочных определений; конструкций благодарности и памяти; формул совместного действия и движения к общему будущему. Коммуникативная стратегия понимается как организация речевых действий в соответствии с институциональной целью адресанта [15, с. 54–71].

Полученные выводы характеризуют сформированный корпус и не экстраполируются на всю политическую коммуникацию Республики Корея. Официальные тексты рассматриваются как форма институционального самопредставления государства и его органов; их содержание не интерпретируется как непосредственное свидетельство общественного мнения или фактического состояния гражданско-военных отношений. Жанровая неоднородность материала внутри выделенных регистров позволяет установить, сохраняется ли выявленная функциональная модель при переходе от публичной речи к стратегическим, оборонным, правовым, мемориальным и гуманитарно-объединительным документам.

Результаты исследования

Номинации коллективного субъекта и инклюзивный дейксис

Центральной номинацией гражданского уровня выступает лексема «граждане/народ» (국민, «кунъмин»). Её значение конкретизируется в зависимости от институционального контекста: в конституционном регистре она обозначает носителя суверенитета, в оборонном — адресата защиты и источник общественной оценки, в президентском — коллективного адресата, а в мемориальном — сообщество, на которое возлагается обязанность сохранять память. Таким образом, семантическая устойчивость лексемы сочетается с прагматической вариативностью обозначаемой ею ролевой позиции.

В конституционном регистре роль народа как источника государственной легитимности закрепляется в формуле: 대한민국의 주권은 국민에게 있고, 모든 권력은 국민으로부터 나온다 («Тэханмингук-ый чукквён-ын кунъмин-еге итко, модын квёллёг-ын кунъмин-ыро-путхё наонда») — «Суверенитет Республики Корея принадлежит народу, и вся власть исходит от народа».³

В данном высказывании лексема «народ» помещается одновременно в позицию источника государственной власти и участника национально-государственной общности.

В оборонном регистре та же номинация входит в состав сочетаний «жизнь и безопасность граждан» (국민의 생명과 안전, «кунъмин-ый сэнъмёнъ-ква анчжён»), «защита граждан» (국민 보호, «кунъмин похо»), «доверие граждан» (국민의 신뢰, «кунъмин-ый силлве») и «армия народа» (국민의 군대, «кунъмин-ый кундэ»). Эти формулы представляют граждан как меру институциональной состоятельности вооружённых сил: основанием легитимации армии выступает выполнение функций по защите общества, соблюдению правового порядка и поддержанию общественного доверия.⁴

³ 대한민국헌법 («Тэханмингук хёнппёп», «Конституция Республики Корея»). Статья 1. Государственный центр правовой информации Республики Корея. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=61603> (дата обращения: 26.07.2026).

⁴ 2022 국방백서 («Кукпанъ пэксё», «Белая книга обороны Республики Корея 2022»). Сеул: Министерство национальной обороны Республики Корея, 2023. Предисловие. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/pblictn/selectPublicationUser.do?categoryId=15&componentId=14&id=mnd_020704000000&pageIndex=1&publicationSeq=1040&siteId=mnd (дата обращения: 26.07.2026).

Принадлежность к национальному субъекту маркируется также единицей «наш / наш общий» (우리, «ури»). В сочетаниях «наши граждане / наш народ» (우리 국민, «ури кунъмин»), «наше общество» (우리 사회, «ури сахве») и «наша армия» (우리 군, «ури кун») она выполняет не столько притяжательную, сколько дейктико-идентификационную функцию, то есть адресант включает себя в обозначаемую общность и предлагает адресату принять ту же рамку принадлежности. При этом употребление данной единицы не устраняет статусных различий между участниками общности, что соответствует пониманию групповой идентичности как сочетания членства, общих ценностей и распределённых социальных позиций [6, с. 118–126, 140–169].

Прагматическая интерпретация основывалась на формально наблюдаемых языковых показателях, выбор которых позволяет реконструировать коммуникативное намерение институционального адресанта. Формы обращения конституируют коллективного адресата; единицы «наш / наш общий» (우리, «ури») и «вместе» (함께, «хамкке») включают адресанта и адресата в общую рамку принадлежности; формы обещания и самообязывания закрепляют публичную ответственность государства; побудительные конструкции преобразуют ценностный тезис в призыв к совместному действию; оценочные определения и предикаты памяти задают нормативную интерпретацию прошлого. Основные типы языковых показателей, по которым устанавливалась прагматическая функция, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Языковые показатели прагматических стратегий

Тип языкового показателя	Типичная корейская реализация	Прагматическая функция
Формы обращения	존경하는 국민 여러분 («чонгёнханын кунъмин ёрбун», «уважаемые граждане»)	Формирует коллективного адресата и публичную ситуацию участия
Инклюзивные местоименные и наречные средства	우리 국민 («ури кунъмин», «наши граждане / наш народ»); 함께 («хамкке», «вместе»)	Включает адресанта и адресата в общую рамку принадлежности
Кванторные и объединительные конструкции	온 국민 («он кунъмин», «весь народ»); 하나 되다 («хана твэда», «стать единым»)	Расширяет рамку участия и минимизирует внутренние границы
Комиссивные грамматические формы	책임지겠습니다 («чхэгимчжигессымнида», «будем нести ответственность»)	Оформляет публичное обещание и принятие государством обязательств
Деонтические предикаты и конструкции	보호하다 («похоhada», «защищать»); 임무를 수행하다 («иммурыль сукхёнъhada», «выполнять задачу»)	Закрепляет ожидаемое действие за конкретным институтом
Побудительные и проспективные конструкции	함께 미래로 나아갑시다 («хамкке мирэ-ро наагапсида», «будем вместе двигаться в будущее»)	Преобразует ценностный тезис в программу совместного действия

Составлено автором

Номинации «весь народ» (온 국민, «он кунъмин»), «национальная интеграция» (국민통합, «кунъмин тхонъхат»), «сообщество» (공동체, «конъдонъчхе») и «будущие поколения» (미래세대, «мирэ седэ») расширяют гражданское ядро национального субъекта в социальном и временном измерениях. В сочетании с конструкциями «вместе двигаться в будущее» (함께 미래로 나아가다, «хамкке мирэ-ро наагада») единство осмысливается как развивающийся процесс, требующий согласованного действия его участников.

Таким образом, номинационная организация коллективного субъекта имеет полицентрический характер. Номинации «граждане/народ» и «наши граждане / наш народ» формируют его гражданское ядро; названия Республики Корея и государства задают символический и институциональный уровни; обозначения сообщества и будущих поколений обеспечивают ценностную и временную протяжённость национального субъекта. Инклюзивный дейксис объединяет его участников, но не отменяет различий в их полномочиях и институциональных функциях.

Предикативные модели институционально-ролевой солидарности

Предикативные связи распределяют роли и ответственность между участниками коллективного субъекта. В корпусе повторяются четыре основных направления распределения институциональной агентности: государство защищает, обеспечивает и принимает на себя ответственность; вооружённые силы выполняют оборонные задачи; граждане выражают доверие, поддерживают институты и участвуют в совместном действии; государство и общество сохраняют память о погибших и поддерживают ветеранов и их семьи. Эта система взаимосвязана, но асимметрична: участники включены в общую модель солидарности и сохраняют различный объём полномочий и обязательств.

Государство преимущественно занимает позицию субъекта действия при глаголах «защищать» (보호하다, «похохада»), «гарантировать / обеспечивать» (보장하다, «почжаньхада»), «поддерживать» (지원하다, «чивёнхада») и «нести ответственность» (책임지다, «чхэгимчжид»). Объектами соответствующих действий становятся жизнь и безопасность граждан, права военнослужащих, условия прохождения службы, а также ветераны, лица с заслугами перед государством и их семьи. Поэтому в оборонных документах государственная роль включает правовые и социальные обязательства, обеспечивающие легитимное функционирование военной организации.⁵

Вооружённые силы и военнослужащие выступают субъектами действия в конструкциях «выполнять задачу/миссию» (임무를 수행하다, «имму-рыль сукхёнхада»), «охранять национальную безопасность» (국가안보를 지키다, «кукка анбо-рыль чикхид»), «поддерживать боеготовность» (대비태세를 유지하다, «тэби тхэсерыль ючжихада») и «нести службу» (복무하다, «поньмухада»). Выражаемая этими конструкциями обязанность соотносится с защитой государства и граждан. Иерархия и общая цель относятся к устойчивым признакам военной организационной культуры [9, с. 91–121], тогда как коммуникация и доверие рассматриваются как условия согласованного действия [16, с. 207–226].

Роль граждан представлена двояко. Они выступают адресатами государственной и военной защиты и одновременно получают активную роль в конструкциях «поддерживать» (지지하다, «чичжихада»), «объединять усилия» (힘을 모으다, «химыль мойда») и «двигаться вместе» (함께 나아가다, «хамкке наагада»). Формула «пользоваться доверием граждан» (국민의 신뢰를 받다, «куньмин-ый силлверыль патта») устанавливает обратную зависимость: армия должна обеспечивать безопасность и подтверждать свою общественную легитимность. Тем самым защита и доверие образуют взаимонаправленную прагматическую связь.

В мемориальном регистре ветераны, павшие и лица с заслугами перед государством выступают объектами действий, выраженных словосочетаниями и предикатами: «помнить жертву» (희생을 기억하다, «хисэнь-ыль кийкхада»), «воздавать за самоотдачу» (헌신에 보답하다, «хёнсин-е подапхада»), «оказывать почести» (예우하다, «еухада») и «поддерживать» (지원하다, «чивёнхада»). Субъектами этих действий выступают государство, правительство и национальное сообщество. Такая асимметрия не снижает символического статуса мемориальных групп: именно их жертва служит основанием современного государственного обязательства сохранять память, выражать признательность и обеспечивать поддержку.

⁵ 2022 국방백서 («Кукпань пэксо», «Белая книга обороны Республики Корея 2022»). Сеул: Министерство национальной обороны Республики Корея, 2023. Предисловие. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/pblictnt/selectPublicationUser.do?categoryId=15&componentId=14&id=mnd_020704000000&pageIndex=1&publicationSeq=1040&siteId=mnd (дата обращения: 26.07.2026).

Номинализации «защита граждан» (국민 보호, «кунъмин похо»), «выполнение задачи» (임무 수행, «имму сукхэн»), «поддержка военнослужащих» (장병 지원, «чанъбёнъ чивён») и «государственное признание заслуг и поддержка ветеранов» (보훈, «похун») преобразуют действия в устойчивые наименования направлений государственной политики. Конкретный исполнитель при этом отступает на второй план, а соответствующая обязанность приобретает характер постоянной институциональной функции.

Распределение направлений действия, ролей и связанных с ними институциональных результатов обобщено в таблице 3.

Таблица 3

Распределение институциональной агентности

Рольное направление	Характерные модели	Институциональный результат
Государство → граждане и военнослужащие	Защищать; обеспечивать; поддерживать; нести ответственность	Безопасность, права и социальная поддержка оформляются как государственная обязанность
Вооружённые силы → государство и граждане	Выполнять задачу; охранять безопасность; поддерживать готовность; нести службу	Профессиональная агентность армии связывается с защитой национального сообщества
Граждане ↔ государство и армия	Поддерживать; объединять усилия; доверять; двигаться вместе	Защита граждан соотносится с общественной оценкой и легитимацией институтов
Государство и общество → ветераны и будущие поколения	Помнить; чтить; воздавать; поддерживать; передавать память	Историческая жертва преобразуется в современное обязательство перед будущими поколениями

Составлено автором

Институционально-ролевая солидарность, таким образом, представляет собой систему взаимосвязанных и функционально неравнозначных обязательств. За государством закрепляются функции обеспечения и ответственности; за вооружёнными силами — защиты и выполнения возложенных задач; за гражданами — роли адресата защиты, участника совместного действия и источника общественного доверия. Ветераны и павшие выступают носителями коллективной памяти и основанием публичного обязательства государства и общества. Единство формируется посредством соотнесения этих функций вокруг безопасности, легитимности, памяти и общего будущего.

Мемориальная солидарность и связь поколений

Мемориальная солидарность формируется посредством смысловой последовательности «жертва» (희생, «хисэн») — «самоотдача / служение» (헌신, «хёнсин») — «память» (기억, «киёк») — «государственное признание заслуг и поддержка ветеранов» (보훈, «похун») — «воздаяние» (보답, «подап») — «будущие поколения» (미래세대, «мирэ седэ»). Значение этих единиц конкретизируется в их оценочной сочетаемости: существительные «жертва» и «самоотдача» сопровождаются определениями «благородный» (승고한, «сунъгохан») и «великий» (위대한, «видэхан»). Интегративная функция символов, ритуалов и героических нарративов отмечается и в исследованиях военной организационной культуры [10, с. 42–51].

В мемориальной речи национальная общность первоначально конструируется посредством объединения различных групп в составе единого адресата: 존경하는 국민 여러분, 그리고 국가유공자와 보훈가족 여러분, 오늘은 예순아홉 번째 현충일입니다 («Чонгёнханын кунъмин ёрбун, кыриго кукка югончжа-ва похун качжок ёрбун, онырын есун-ахон пёнччэ хёнчхунъиримнида») — «Уважаемые граждане, лица с заслугами перед государством и семьи ветеранов, сегодня шестьдесят девятый День памяти погибших». Последовательное обращение к гражданам, лицам, имеющим заслуги перед государством, и членам их семей включает эти группы в общее коммуникативное пространство.

Мемориальная церемония приобретает характер общенационального события, выходящего за рамки узкопрофессионального ритуала вооружённых сил.

Совместный характер памятного действия подчеркивается в следующем высказывании: *우리는 자유 대한민국을 지켜 온 숭고한 희생을 기억하고 추모하기 위해, 오늘 이 자리에 함께했습니다* («Ури-нын чаю Тэханмингуг-ыль чикхё он сунгохан хисэнь-ыль кидкхаго чхумохаги вихэ, оныль и чарие хамккхэссымнида») — «Сегодня мы собрались здесь, чтобы помнить и чтить благородную жертву тех, кто защищал свободную Республику Корея». Местоимение «мы» (우리, «ури») и наречие «вместе» (함께, «хамкке») переводят память из области индивидуального переживания в пространство коллективного действия. Адресант призывает общество помнить о погибших и включает себя в круг участников памятного ритуала.⁶

Память о жертве соединяется с обязательством государства воздать за неё посредством признания и социальной поддержки: *저와 정부는 국가와 국민을 위해 자신의 모든 것을 희생한 영웅들에게 최고의 예우로 보답할 것입니다* («Чё-ва чёнъбунын кукка-ва кунъминиль вихэ часин-ый модын кёсыл хисэньхан ёньунъ-дыреге чхвего-ый еуро подапхаль кёсимнида») — «Я и правительство воздадим высшими почестями героям, пожертвовавшим всем ради государства и граждан». Субъектами действия здесь выступают президент и правительство, тогда как жертва героев становится основанием для принятия государством долговременного обязательства. Память получает институциональное выражение в форме публичного признания заслуг и оказания почестей.

Ещё более отчётливо государственное самообязывание выражено в следующей формуле: *안타깝게 순직하신 영웅들의 유가족은 무슨 일이 있어도 국가가 끝까지 책임지겠습니다* («Антхаккапке сунджикхасин ёньунъ-дырый югачжогын мусын ири иссёдо куккага ккытккачжи чхэгимчжигессымнида») — «Что бы ни случилось, государство до конца будет нести ответственность за семьи героев, погибших при исполнении служебного долга». Сказуемое «будет нести ответственность» (책임지겠습니다, «чхэгимчжигессымнида») оформлено окончанием -겠습니다 («-гессымнида»), которое в официальной публичной речи маркирует намерение и принимаемое говорящим обязательство. Сочетание этой формы с обстоятельством «до конца» (끝까지, «ккытккачжи») усиливает категоричность обещания и представляет поддержку семей погибших как постоянную функцию государства.

В заключительной части речи мемориальная рамка переносится из прошлого в будущее:

은 국민이 하나 되어 함께 미래로 나가는 더 강한 대한민국을 건설하겠습니다 («Он кунъмини хана твэо хамкке мирэ-ро наганын тё канъхан Тэханмингугыль кёнсольхагессымнида») — «Мы построим более сильную Республику Корея, в которой весь народ, объединившись, вместе движется в будущее». В данном высказывании формы «весь народ» (은 국민, «он кунъмин»), «стать единым» (하나 되다, «хана твэда») и «вместе» (함께, «хамкке») объединяют всеохватность, единение и совместное действие. Сказуемое «построим» (건설하겠습니다, «кёнсольхагессымнида») вновь оформляет публичное обязательство.

В результате память о погибших становится основанием для интерпретации прошлого и конструирования общего будущего. Мемориальная солидарность связывает жертву предшествующих поколений с ответственностью современного государства и задачами национального сообщества.

⁶ 제 69 회 현충일 추념식 추념사 («Че юкспикку-хве хёнчхуниль чхунёмсик чхунёмса», «Речь на 69-й церемонии Дня памяти погибших»). Президент Республики Корея. 06.06.2024. 대한민국 정책브리핑. URL: <https://www.korea.kr/briefing/speechView.do?newsId=132036715> (дата обращения: 26.07.2026).

Такое временное расширение национального «мы» дополняется его социально-политическим расширением в объединительном и гуманитарном регистрах.

Гуманитарное расширение национального «мы»

Расширение национального субъекта в объединительном и гуманитарном регистрах связано с включением населения Северной Кореи в разные контуры национальной общности. Используемые для её обозначения номинации различаются по степени институционализации и способу включения обозначаемых групп. Сочетание «жители Северной Кореи» (북한 주민, «пукхан чумин») выступает преимущественно как нейтральная административно-политическая номинация в материалах, посвящённых правам человека и гуманитарной политике. Обозначение «северокорейские соотечественники» (북한 동포, «пукхан тонъпхо») актуализирует представление об общности происхождения и историко-культурной принадлежности. Термин «северокорейские переселенцы» (북한이탈주민, «пукхан итхаль чумин») имеет правовой характер и обозначает лиц, включённых в систему государственной защиты, адаптации и социальной поддержки Республики Корея.⁷

Самостоятельная позиция северокорейского населения в объединительном дискурсе выражена в президентской речи, где оно включается в число непосредственных адресатов государственной стратегии:

저는 오늘 우리의 통일 비전과 통일 추진 전략을 우리 국민과 북한 주민, 그리고 국제사회에 선언하고자 합니다 («Чонын оныль ури-ый тхонъиль пичжон-ква тхонъиль чхучжин чоллаг-ыль ури кунъмин-ква пукхан чумин, кыриго кукче сахве-е сёнбоначжа хамнида») — «Сегодня я намерен провозгласить перед нашими гражданами, жителями Северной Кореи и международным сообществом наше видение объединения и стратегию его осуществления». ⁸ Последовательное перечисление граждан Республики Корея, жителей Северной Кореи и международного сообщества формирует трёхчастную структуру адресации. Жители Северной Кореи занимают самостоятельную позицию адресата, непосредственно связанную с будущим объединением Корейского полуострова; эта позиция отделяет их как от граждан Республики Корея, так и от внешней международной аудитории.

В начале того же выступления используется более эмоционально и символически нагруженная форма обращения:

존경하는 국민 여러분, 700 만 재외동포 여러분, 그리고 2,600 만 북한 동포 여러분 («Чонгёнханын кунъмин ёрбун, чхильбэньман чэве тонъпхо ёрбун, кыриго ичхон юньпэньман пукхан тонъпхо ёрбун») — «Уважаемые граждане, семь миллионов зарубежных соотечественников и двадцать шесть миллионов северокорейских соотечественников».

Номинация «северокорейские соотечественники» подчёркивает символическую близость жителей двух частей Корейского полуострова, тогда как обозначение «жители Северной Кореи» сохраняет более нейтральный институционально-политический характер.

⁷ 북한이탈주민의 보호 및 정착지원에 관한 법률 («Пукхан итхаль чумин-ый похо мит чончхак чивон-е кванхан помнюль», «Закон о защите и поддержке обустройства северокорейских переселенцев»). Государственный центр правовой информации Республики Корея. URL: <https://www.law.go.kr/법령/북한이탈주민의보호및정착지원에관한법률> (дата обращения: 26.07.2026).

⁸ 제 79 주년 광복절 경축식 대통령 경축사 («Че чхильсипку-чунён кванъбокчоль кёнъчхуксик тэтхонъёнъ кёнъчхукса», «Торжественная речь президента на церемонии, посвящённой 79-й годовщине Дня освобождения Кореи»). Президент Республики Корея. 15.08.2024. 대한민국 정책브리핑. URL: <https://www.korea.kr/briefing/speechView.do?newsId=132036948> (дата обращения: 01.08.2026).

В пределах одного выступления чередование этих номинаций позволяет одновременно представить северокорейское население как самостоятельного адресата государственной политики и как часть более широкой национальной общности.

Ориентация объединительного дискурса на будущее наиболее отчётливо выражается в номинациях «объединённая Республика Корея» (통일 대한민국, «*тхонъиль Тэханмингук*») и «свободная, мирная и процветающая объединённая Республика Корея» (자유·평화·번영의 통일 대한민국, «*чаю, пхёнхва, пёнёнъый тхонъиль Тэханмингук*»). Эти формулы соединяют территориально-политическую задачу объединения с ценностно определённым образом будущего государства. В президентской речи будущее объединённой Республики Корея связывается со свободой и безопасностью граждан, экономическим процветанием, международным сотрудничеством и вкладом в поддержание мира.

В анализируемой «Белой книге объединения» права жителей Северной Кореи, гуманитарная помощь, поддержка переселенцев и достижение общественного согласия представлены как взаимосвязанные направления подготовки к объединению.⁹ Исследования южнокорейского мирного дискурса также показывают взаимодействие категорий мира, доверия, сообщества и сотрудничества [17, с. 12–22].

Таким образом, официальная коммуникация разграничивает северокорейский политический режим как объект военно-политической оценки и население Северной Кореи как потенциальную часть национальной общности. Гуманитарное расширение национального «мы» осуществляется посредством сочетания нейтральных административных, правовых и символически маркированных номинаций. Благодаря этому жители Северной Кореи включаются в дискурс объединения одновременно как адресаты гуманитарной ответственности, участники предполагаемого общего будущего и соотечественники, связанные с населением Республики Корея представлением об историко-культурном единстве.

Вариативность лексико-прагматических моделей в аналитических регистрах

Сопоставление аналитических регистров выявляет различия в составе языковых показателей и в выполняемых ими прагматических функциях. Президентский регистр формирует персонализированное и эмоционально маркированное национальное «мы»; оборонный распределяет устойчивые функции между государством, вооружёнными силами и гражданами; правовой и парламентский закрепляет статусы, обязанности и формы государственной поддержки; мемориально-церемониальный ритуализирует признание жертвы и публичную благодарность; объединительный и гуманитарный определяет возможный состав будущей национальной общности.

Таблица 4

Лексико-прагматические стратегии в аналитических регистрах

Регистр	Характерные языковые показатели	Прагматический результат
Президентский	Формы обращения; «наш / наш общий» (우리, « <i>ури</i> »); «вместе» (함께, « <i>хамкке</i> »); формы публичного обещания, например «будем нести ответственность» (책임지겠습니다, « <i>чхэгимчжигессымнида</i> »); побудительные конструкции, например «будем двигаться вместе» (함께 나아갑시다, « <i>хамкке наагапсида</i> »); глаголы с ориентацией на будущее	Включение адресата в национальное «мы», принятие публичного обязательства, побуждение к совместному действию и конструирование общего будущего

⁹ 2024 통일백서 («Ичхён исипса-нён тхонъиль пэксё», «Белая книга объединения 2024»). Сеул: Министерство объединения Республики Корея, 2024. URL: https://www.unikorea.go.kr/web/books/bbs/bbs_000000000000043/47390 (дата обращения: 26.07.2026).

Регистр	Характерные языковые показатели	Прагматический результат
Оборонный	Номинации государства, вооружённых сил и граждан; предикаты защиты, выполнения задач, поддержания готовности и общественного доверия	Функциональное распределение полномочий и соотнесение деятельности вооружённых сил с защитой граждан и общественной легитимностью
Правовой и парламентский	Деонтическая модальность; номинализации прав, обязанностей, статусов, ответственности и государственной поддержки	Нормативное закрепление институциональных ролей и обязательств
Мемориально-церемониальный	«Жертва» (희생, «хисэнь»); «самоотдача/служение» (헌신, «хёнсин»); «память» (기억, «киёк»); «государственное признание заслуг и поддержка ветеранов» (보훈, «похун»); оценочные определения и формы публичного обещания	Признание заслуг, закрепление государственной ответственности и установление связи между памятью о прошлом и обязанностями перед будущим
Объединительный и гуманитарный	«Жители Северной Кореи» (북한 주민, «пукхан чумин»); «северокорейские соотечественники» (북한 동포, «пукхан тоньпо»); «северокорейские переселенцы» (북한이탈주민, «пукхан итхаль чумин»); формулы будущего объединения	Поэтапное расширение состава национального «мы» и включение населения Северной Кореи в гуманитарную и объединительную перспективу

Составлено автором

Специфика регистра задаёт преобладающий набор речевых действий и способы реализации институциональной цели [15, с. 54–71]. Характерные языковые показатели и их прагматические функции в различных регистрах представлены в таблице 4.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют уточнить соотношение национальной общности и институциональной дифференциации. В концепции Б. Андерсона нация рассматривается как воображаемое сообщество, существующее несмотря на фактическое неравенство и различия между его участниками [3, с. 6–7]. Анализ южнокорейского официального дискурса показывает, какими языковыми средствами обеспечивается такое совмещение. Единицы «наш / наш общий» (우리, «ури»), «вместе» (함께, «хамкке») и «весь народ» (온 국민, «он кунъмин») формируют горизонтальную рамку принадлежности, тогда как предикаты защиты, исполнения, обеспечения и ответственности сохраняют вертикальное распределение институциональных ролей.

Повторяющиеся номинации «наши граждане / наш народ» (우리 국민, «ури кунъмин»), «наша армия» (우리 군, «ури кун») и «наше общество» (우리 사회, «ури сахве») функционируют как привычные языковые указания на национальную принадлежность. В этом отношении они соотносятся с описанным М. Биллигом механизмом повседневного воспроизводства национальной идентичности посредством регулярно используемых, внешне немаркированных обозначений коллективного субъекта [4, с. 93–127].

Предлагаемая институционально-ролевая модель солидарности характеризуется несколькими взаимосвязанными признаками. Коллективный субъект имеет полицентрическое строение: государство, граждане, вооружённые силы, ветераны, будущие поколения и жители Северной Кореи сохраняют самостоятельные ролевые позиции в составе общей структуры. Распределённая между ними агентность имеет направленный и асимметричный характер: государство принимает обязательства по защите и поддержке, вооружённые силы выполняют оборонные задачи, граждане выступают адресатами защиты и источником общественного доверия, а ветераны и павшие получают особый мемориально-нормативный статус.

Состав национальной общности изменяется в зависимости от аналитического регистра и коммуникативной задачи текста: от военно-гражданского ядра «государство — граждане — вооружённые силы» до более широкого сообщества, объединённого памятью о прошлом, ответственностью перед будущими поколениями и представлением о будущем объединении

Корейского полуострова. Единство предстаёт одновременно как состояние и как действие, выражаемое посредством форм публичного обещания, призыва и побуждения к совместному движению в будущее. Такая организация материала соотносится с разграничением номинативных, предикативных и аргументативных стратегий конструирования национальной идентичности [5, с. 149–158].

Полученные результаты согласуются с положением Т. А. ван Дейка о том, что групповая идентичность включает критерии членства, общие знания, ценности и цели [6, с. 118–126, 140–169]. Вместе с тем анализ позволяет дополнить когнитивно-групповую модель институциональным измерением. Принадлежность к национальному «мы» сохраняет статусно-ролевую дифференциацию, характерную для институционального дискурса [8, с. 190–192]. Солидарность достигается посредством нормативного согласования различий между участниками в рамках общей системы функций и обязательств.

В результате национальное единство в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея предстаёт как согласованность институционально различающихся участников. Государство, вооружённые силы, граждане, ветераны и другие группы объединяются благодаря соотносению их функций с общими ценностными основаниями — безопасностью, общественным доверием, памятью, ответственностью и образом общего будущего.

Исследование имеет два основных ограничения. Во-первых, анализ охватывает официальные тексты и поэтому характеризует институциональную самопрезентацию государства и его органов; общественного восприятия вооружённых сил, государственной политики памяти или стратегии объединения в задачи исследования не входило. Во-вторых, различия в объёме и жанровой организации документов не позволяют делать выводы о статистическом преобладании отдельных лексем, грамматических форм или прагматических стратегий.

Задача исследования состояла в качественном выявлении воспроизводимых способов номинации коллективного субъекта, распределения агентности и прагматического позиционирования его участников. Систематический поиск релевантных контекстов и анализ полных высказываний обеспечивают проверяемость выводов на уровне языковой формы, синтаксической роли, контекстуальной сочетаемости и жанровой функции. С позиций критического анализа дискурса выявленные конструкции могут рассматриваться как языковые средства, посредством которых отдельное текстовое событие соотносится с устойчивой институциональной и социальной практикой [18, с. 24–30].

Заключение

Проведённый анализ показал, что национальный коллективный субъект в официальном военно-политическом дискурсе Республики Корея формируется вокруг гражданского ядра, обозначаемого номинациями «граждане/народ» (국민, «*кунъмин*»), «наши граждане / наш народ» (우리 국민, «*ури кунъмин*») и «весь народ» (온 국민, «*он кунъмин*»). Их конкретная роль определяется аналитическим регистром и коммуникативной задачей текста: они могут обозначать носителя суверенитета, адресата защиты, коллективного адресата или участника государственной политики памяти.

Институционально-ролевая солидарность создаётся сочетанием инклюзивных средств, предикатов обязанности, форм публичного обещания и побуждения к совместному действию. Государство, вооружённые силы, граждане, ветераны, будущие поколения и население Северной Кореи включаются в национальное «мы» на разных основаниях и сохраняют различающиеся функции. Национальное единство тем самым приобретает форму согласования ролей вокруг безопасности, общественного доверия, памяти и общего будущего.

Перспективой дальнейшего исследования является сопоставление данной модели с союзническим дискурсом Республики Корея и мобилизационной моделью коллективности Корейской Народно-Демократической Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. — Cambridge: Polity Press, 1992. — 259 p. — URL: https://openlibrary.org/books/OL1704753M/Discourse_and_social_change (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
2. Чернявская, В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. — Москва: ЛЕНАНД, 2021. — 208 с. — ISBN 978-5-9710-8888-2. — URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?blang=ru&id=272569&lang=Ru&page=Book> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
3. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — Revised edition. — London; New York: Verso, 2006. — 240 p. — ISBN 978-1-84467-086-4. — URL: https://books.google.ru/books?id=nQ9jXXJV-vgC&redir_esc=y (дата обращения: 10.08.2026). — Текст: непосредственный.
4. Billig, M. Banal Nationalism / M. Billig. — London: SAGE Publications, 1995. — 208 p. — ISBN 978-0-8039-7525-5. — URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/banal-nationalism/book205032> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
5. De Cillia, R. The Discursive Construction of National Identities / R. de Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // Discourse & Society. — 1999. — Vol. 10, no. 2. — P. 149–173. — DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
6. Van Dijk, T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T.A. van Dijk. — London: SAGE Publications, 1998. — 384 p. — ISBN 0-7619-5654-9. — URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/ideology/book206311> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва: Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002492963> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — URL: <https://books.google.ru/books?id=1XUBAQAAIAAJ> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
9. 민진 (Мин Чин). 군대조직문화 특성의 도출과 분석 [Выявление и анализ характеристик организационной культуры вооружённых сил] / 민진 (Мин Чин) // 한국조직학회보. — 2011. — Т. 8, № 3. — С. 91–121. — DOI: <https://doi.org/10.21484/kros.2011.8.3.91> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.

10. 민진 (Мин Чин). 상징적 접근에 의한 한국 군대조직문화에 대한 분석 [Анализ организационной культуры вооружённых сил Республики Корея на основе символического подхода] / 민진 (Мин Чин), 김민석 (Ким Минсок) // 한국조직학회보. — 2012. — Т. 9, № 3. — С. 29–57. — DOI: <https://doi.org/10.21484/kros.2012.9.3.29> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
11. 김혁 (Ким Хёк). 국가안보에 대한 대통령의 대국민 안보 담론 연구: 대통령 신년사를 중심으로 [Исследование публичного президентского дискурса национальной безопасности: на материале новогодних обращений] / 김혁 (Ким Хёк) // 한국동북아논총. — 2025. — Т. 30, № 3. — С. 87–107. — DOI: <https://doi.org/10.21807/JNAS.2025.9.116.087> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
12. 박치성 (Пак Чхисон). 토픽모델링을 활용한 역대 대통령의 정책변화 분석 [Анализ изменений государственной политики при разных президентах с применением тематического моделирования] / 박치성 (Пак Чхисон), 신나리 (Син Нары) // 한국정책과학학회보. — 2021. — Т. 25, № 4. — С. 1–33. — DOI: <https://doi.org/10.31553/kpsr.2021.12.25.4.1> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
13. Строганова, И. Б. Корейская военная и гражданская корпоративность: язык как фактор идентичности и социального контроля (на материале южнокорейского институционального дискурса) / И. Б. Строганова // Военно-филологический журнал. — 2025. — № 4. — С. 125–138. — URL: <https://scinetwork.ru/issues/4357> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
14. Sinclair, J. Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. -- Oxford: Oxford University Press, 1991. — 179 p. — URL: <https://books.google.com/books?id=L8l4AAAAIAAJ> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.
15. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — 5-е изд. — Москва: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7. — URL: https://lib.herzen.spb.ru/m/catalog?doc_id=859223&simple=2 (дата обращения: 10.08.2026). — Текст: непосредственный.
16. 김천환 (Ким Чхонхван). 군 조직 내 의사소통의 영향요인에 관한 연구 [Исследование факторов, влияющих на коммуникацию в военной организации] / 김천환 (Ким Чхонхван), 진종순 (Чин Чонсун) // 한국조직학회보. — 2010. — Т. 7, № 2. — С. 207–226. — DOI: <https://doi.org/10.21484/kros.2010.7.2.207> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
17. 이정철 (Ли Чончхоль). 한국형 평화담론에 대한 비판과 성찰 [Критический анализ и осмысление корейской модели мирного дискурса] / 이정철 (Ли Чончхоль) // 국방연구. — 2020. — Т. 63, № 3. — С. 1–28. — DOI: <https://doi.org/10.23011/jnds.2020.63.3.001> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: электронный.
18. Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London; New York: Routledge, 2003. — 270 p. — ISBN 978-0-415-25893-7. — URL: <https://www.routledge.com/Analysing-Discourse-Textual-Analysis-for-Social-Research/Fairclough/p/book/9780415258937> (дата обращения: 01.08.2026). — Текст: непосредственный.

Stroganova Irina Borisovna

«Military University named after Prince Alexander Nevsky»
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: korean.volcano@gmail.com

Lexical and pragmatic means of constructing national unity in the official military-political discourse of the Republic of Korea: an institutional-role model of solidarity

Abstract. The article examines the lexical and pragmatic means by which national unity is constructed in the official military-political discourse of the Republic of Korea. The material consists of an author-compiled corpus of 50 official Korean-language texts from the Republic of Korea published between 2018 and 2025, including presidential addresses, strategic and defense documents, legal materials, commemorative speeches, and publications of the Ministry of Unification. The study is qualitative and corpus-oriented: lexical and grammatical markers were used to identify relevant contexts systematically, which were then subjected to lexical-semantic, contextual, and pragmatic analysis. The analysis focuses on nominations of the collective subject, their collocational patterns and associated role positions, forms of address, inclusive deixis, and deontic, commissive, evaluative, and hortative constructions. The findings show that national unity is constructed by coordinating the institutional roles of the state, citizens, the armed forces, veterans, and future generations while preserving distinctions between them. Nominations at the civic and state levels define the boundaries of the collective subject, whereas predicates of protection and responsibility, forms of public commitment, and appeals to joint action distribute agency among its participants. The article proposes an institutional-role model of solidarity that describes the polycentric structure of the national «we» and its variability across analytical registers. The findings demonstrate that the pragmatic function of linguistic means varies across the institutional-functional registers of official communication.

Keywords: national unity; institutional solidarity; military-political discourse; Republic of Korea; lexical and pragmatic means; collective subject; institutional role; discourse construction; Korean language